

18+

Дмитрий
Александрович
Братчиков

Вспомнить всё...

*Сборник рассказов
лейтенанта
о своей службе
в Чечне
2003—2005 гг.*

Дмитрий Братчиков

**Вспомнить всё... Сборник
рассказов лейтенанта о своей
службе в Чечне 2003—2005 гг.**

«Издательские решения»

Братчиков Д. А.

Вспомнить всё... Сборник рассказов лейтенанта о своей службе в Чечне 2003—2005 гг. / Д. А. Братчиков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-625075-8

Однажды я понял, что почти каждый день на протяжении 15 лет, воспоминаю о службе в Чечне, привожу примеры из той жизни, вставляю их в разговор. Сколько можно? Я решил их выписать, чтобы навсегда избавиться и получилась книга... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-625075-8

© Братчиков Д. А.
© Издательские решения

Содержание

Вспомнить всё...	6
Для кого эта книга?	7
Пролог	8
Полустанок	9
Не покупайте пирожки и не ездите на такси...	10
Моздок, Моздок... Как много в этом слове. Кто был, поймёт, кто не был — не догонит...	11
Где мы, а где война?! Начало	13
Первые впечатления обманчивы	14
Застава	17
Рабочие будни	23
Поимка беглого солдата внутренних войск	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Вспомнить всё...
Сборник рассказов лейтенанта о
своей службе в Чечне 2003—2005 гг.

Дмитрий Александрович Братчиков

*Посвящается моему старшему брату, а также всем
мальчишкам, кто мечтал служить в армии, но по каким-то
причинам этого не случилось.*

© Дмитрий Александрович Братчиков, 2026

ISBN 978-5-0062-5075-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вспомнить всё...

Сборник историй из жизни молодого лейтенанта в условиях контртеррористической операции на территории Чеченской Республики (2003—2005гг).

Для кого эта книга?

Для молодых людей 19—25 лет — узнать, как жил, о чём думал их сверстник двадцать лет назад, в таком же возрасте выполнявший боевые задачи в зоне контртеррористической операции. Любопытно получилось: в процессе написания книги я к своему удивлению обнаружил неподдельный интерес девчонок, которые взапой читали первые главы и требовали продолжения, чем сильно меня вдохновили на дальнейшие труды.

Эта книга и для моих друзей, кто был рядом и захочет с грустной улыбкой предаться воспоминаниям об ушедших днях. Для родителей, для мам, которые так и не знают, чем мы там занимались, потому что спрашивать и лезть с вопросами в моей семье, например, это не принято.

Лишь однажды мама меня спросила, робко глядя в глаза:

— Ты правда людей убивал?

— Я не знаю, но стрелять в ту сторону приходилось.

На страницах этой книги я расскажу о таких моментах, благо в моей службе их было немного — и слава Богу, что не только этим запомнились мои два года в Чечне. Приятного чтения.

Пролог

Помню своего деда Дмитрия Павловича — фронтовика. Однажды, когда он гостил у нас дома, я задал ему вопрос: «Дед, расскажи о войне!»

На тот момент мои познания о сражениях ограничивались игрой в танчики на развороте тетрадного листа. Знаете, это когда, прицелившись, рисуешь на своей половине большое синее пятно шариковой ручкой, переворачиваешь лист и, прижимая детским кулачком это место, отпечатывается взрыв на стороне противника, в надежде подбить чужой нарисованный танчик. Кстати, спустя тридцать лет я всё ещё непревзойдённо играю в такие танчики со своими детьми, и что характерно — регулярно выигрываю.

Я принёс деду бумагу, ручку и попросил нарисовать бой.

Дмитрий Павлович стал чертить линию обороны наших войск и немецких, он наносил тактические знаки, пулемётные точки, стрелков, колючую проволоку, минные заграждения... Такие обозначения, знаете, не каждый взрослый разберёт, и мне сразу стало скучно. «Деда, — протянул я разочарованно, — что это? Ты войну мне будешь рисовать? Где взрывы, где это всё?» Дед был серьёзен: он не знал, как ещё показать мне войну.

Ему она представлялась иначе. Тогда я попросил его рассказать про какой-нибудь случай на войне. Он был краток: «Сидели мы в окопах, блокада Ленинграда, продовольствия не хватает, голод. По ночам авиация сбрасывала подразделениям боеприпасы и продовольствие. В ту ночь сбрасывали мешки с горохом. И один мешок упал на моего сослуживца. Так он и погиб», — закончил дед. Я был в недоумении. Я ожидал героических историй, как в фильмах, а он...

Дед устал и прилёг отдохнуть. Я не стал его больше беспокоить — родители мне говорили, чтоб я его не тревожил, ведь он недавно перенёс инфаркт. Этот случай запал мне в душу. Я видел фильмы про войну — там взрывы, стрельба, а вот живой участник рассказывает какую-то чушь... Это не укладывалось в моей детской голове.

Зачем я все это вспоминаю?

Я пишу книгу о «своей» войне, о службе в Чечне, и мне пришла мысль, что ты, дорогой читатель, возможно, будешь испытывать те же чувства, что и я тогда в детстве. Будь к этому готов. Не суди строго, война — это не только взрывы, стрельба и стоны раненых. Это прежде всего грубая, тяжёлая и нескончаемая работа, которая высасывает из людей все силы и души.

Полустанок

Итак, минуло двадцать лет со дня посещения неведомой страны с мультяшным названием Чучундра. Именно страны, ибо нравы и порядки на территории воюющей республики отличались от жизни на «большой земле», там было все по другому. Какой дурак по собственному желанию напросится туда, где есть большая вероятность стать калекой, трупом или пропасть без вести в чеченском плену?! После осознания этих фактов и столкновения с тамошней действительностью чётко понимаешь, что ты в Чучундре.

Перрон периферийного городка Н., только-только выдохнувшего после смрада и голода 90-х. Тёмный полустанок, пара тусклых фонарей, спящая кассирша в здании вокзала, пара человек, ожидавших проходящего поезда на запад. Родители и небольшая компания друзей приехали в это «торжественное» место провожать на службу своего родного, пьяного и радостного лейтенанта. Все знали, что он едет в горячую точку, и отгоняли мысли, что это прощание может быть последним совместным событием. Дмитрию не хотелось смотреть им в глаза, он старался держаться бодро, без грусти. Благо в крови было плюс 40 градусов, и в принципе, если бы родные не грустили, можно было бы даже веселиться. Ему думалось так: «Какая к черту Чечня, до неё ещё доехать надо, а это целая неделя — отпуска!!!»

А по пути в Новосибирске он встретит своих приятелей, с которыми в училище договорились прорываться при распределении в Чечню — ни больше, ни меньше, так как тихие пьяные гарнизоны России их тогда не волновали, лишь было стремление проверить себя, делать то, чему учили на занятиях по тактике и другим военным дисциплинам.

Поезд уже подошёл, на посадку было пять минут, все стали быстро целоваться и обниматься. Прощались. Чёрт бы побрал ту девочку, которая в самый последний момент придержала руку Дмитрия, посмотрела с тоской в глаза и тихо произнесла: «Ты только вернись». «Всё настроение испортила, зараза», — подумал Дмитрий, швырнул сумку в вагон и запрыгнул на подножку трогającego поезда. Его служба и полная самостоятельность началась тогда — в августе 2003 года, когда закрылась дверь вагона, и поезд отошёл от перрона родного города, родной Сибири. В двадцать один год Дмитрий отправился на Кавказ воевать за Родину.

Не покупайте пирожки и не ездите на такси...

Дорога к месту службы заняла несколько дней, была пьяная и весёлая. Встретились с ребятами-лейтенантами в Новосибирске и поехали в Моздок. В то время там был основной перевалочный пункт всех войск, направляющихся в Чечню.

Настроение было серьёзное — к вечеру второго дня решили, что пить хватит, нужно прийти в себя и настроиться по-боевому, всё-таки не на прогулку едем. Из нас, сибирских парней, ни один не бывал на юге России. Все знания о Кавказе заканчивались на стихах Лермонтова и рассказах о том беспределе, который творили чеченские боевики с пленными солдатами.

Да и вообще, у человека, жившего с рождения до двадцати лет в одном и том же месте, не хватало широты мысли представить, что кроме Сибири ещё где-то люди живут и могут быть свои порядки, отличные от наших. Мы ехали на войну недоумевая, чего так долго там можно делать, — верили, что вот мы щас приедем, быстро всё поймём и победим врага. Это просто без нас, молодых образованных кадров, там дело встало и мы им покажем, чему нас обучили в училище. И, конечно, получим всякие ордена и медали.

На второй день в наш вагон подсел какой-то мужик, который с нами как-то быстро познакомился. Выяснилось, что в Чечне он не первый год, и вроде бы капитан, едет в Ханкалу после отпуска. Нам было решительно интересно всё, что он говорил, потому что он казался нам старым и бывалым. Хотелось узнать подробностей о боях, операциях и прочей военной работе.

Вместо этого получили житейские советы совсем другого характера. И сейчас я понимаю, что он сказал очень ценные для каждого из нас слова. «Не покупайте пирожки у местных на вокзале, не ездите на такси. Вас могут запросто отравить, или увезти в какой-нибудь горный аул под дулом пистолета». Откровенным и ужасающим было то, что можно погибнуть, не доехав до войны, до своей части.

Не знаю, был ли он тем за кого себя выдавал, неважно. Но я благодарю того капитана за то, что он тогда появился и просто передал нам чувство настороженности на враждебной территории. К нам пришло понимание, что шутки закончились, и пора включать голову на полную мощность!

Настроение после этих разговоров совсем упало, и последние сутки мы ехали в тягостном ожидании предстоящих опасностей. Да и трястись в душном вагоне четыре дня уже обрыдло.

Моздок, Моздок... Как много в этом слове. Кто был, поймёт, кто не был — не догонит...

Ещё в Прохладном мы проводили из поезда Малыша, он один ехал в часть и очень переживал, что нет плеча товарища рядом. «На кого вы меня тут одного бросаете?!», — с грустью сказал Малыш и сошёл на перрон. В следующий раз я увидел его спустя пятнадцать лет, в социальных сетях, всё с ним хорошо, слава богу.

Мы тронулись дальше. Впереди нас ждал город Моздок. В вагонах уже ощущалась южная жара и после прохлады сибирского августа нам было непривычно.

Выгрузились. Кто в форме, кто в шортах и майке, как турист. «До службы ещё не скоро», — думали мы и были не правы. Повторюсь, несмотря на то, что война в Чечне шла уже почти десять лет, нам как-то путанно объяснили, как туда добираться: как и что делать, мы узнавали у бывалых преподавателей, которые тоже толком ничего рассказать не могли, так как давно уже там не были. Информация была противоречивой, и мы решили, что разберёмся по ситуации.

Нам рассказали, что из Моздока нас должны отправить либо на вертушках, либо на бронепоезде, либо на колонне в Чечню по своим частям. Для этого нужно было появиться в комендатуре и выяснить, как действовать дальше.

Собрались мы кучкой у комендатуры ж/д станции, кто-то из наших отправился к коменданту. Помощник коменданта, который вышел посмотреть на вновь прибывшее пушечное мясо, естественно попытался нас трахнуть за отсутствие формы одежды и вообще за праздный вид. Так сказать, попытка привести нас к «нормальному бою»¹ была засчитана.

На вопрос о бронепоездах, вертушках, колоннах помкоманданта рассмеялся и сказал, что надо ждать неделю. Может, две. Ребята, кому нужно было в Ханкалу и Борзой, так и поступили — остались ждать военного транспорта в районе аэродрома на сборном пункте. Когда помощник услышал про станицу Калиновскую, — ближайший к Северной Осетии гарнизон в Чечне — он сказал: «А вам рядом — езжайте на такси. Если перекусить, то вон полно бабулек, пирожки продают».

Перст указующий ткнул нам на синюю копейку, стоявшую возле вокзала, в которой сидел грузный осетин. «Вот на ней езжайте». Вспоминая слова капитана из поезда и проклиная помощника коменданта, мы начали рассовывать свои сумки и грузиться в салон гнилой копейки, надеясь только на русский авось и частично провидение Господне.

Это позже, когда отесались, поняли, что, скорее всего, таксисты платили долю военным дельцам из комендатуры, и те направляли проезжающих в Чечню на такси.

Позже Моздок у нас уже ассоциировался с отдыхом, куражом, пьянкой и проститутками. Ибо это был город, в котором отдыхали военные на пересылке или, как в нашем случае, сбегали из части «выпустить пар». Так мы его и называли — город проститутток и таксистов, потому что больше никого мы там и не видели — точнее, было некогда знакомиться с местным населением. Мы приезжали, спускали за сутки все деньги, и с опустошёнными карманами и мошонками возвращались отдавать долг нашей Родине.

¹ Выражение из военного сленга

Запомнилась нам поездка с осетином. Первым делом он нас спросил: «Зачем такие большие сумки таскаете?!» На наш немой вопрос — в смысле?! — пояснил: «Были б женатые — понятно, жена бы носила, а так непонятно, зачем самим такой груз таскать». «Ага, нифига себе Кавказ», — подумали мы в недоумении.

Дорога пустынная. Очень непривычно — машин не встречается в прифронтовой полосе. С собой нет оружия, немного нервничаешь от неизвестности. В голове мелькают мысли: «Куда нас везут?! А если таксист — это бандит?! А мы вообще правильно едем?» Я поясню для более молодого поколения: в то время не то что навигаторов и GPS в телефонах не было, сотовая связь не везде была. Ах да, и телефонов тоже у многих не было. В общем, ехали мы «на измене».

Таксист ехал километров сто в час. Минут двадцать спустя нас нагнала другая машина, также довольно потрёпанная, и обошла нас с небольшим превышением в скорости. Наш таксист взвизгнул «вах, шайтан!» — и надавил на акселератор. Он разогнал старушку до такой степени, что мы опасались не доехать до службы, — вдруг машина развалится и мы убьёмся? С видом победителя он обошёл своего недруга и снова начал тошнить по сто км в час. Стоит ли говорить, что темпераментные мужчины бодались на трассе ещё добрые полчаса, пока наши дороги не разошлись.

Досмотры на блокпостах на выезде из Осетии и въезде в ЧР нагружали наш мозг новой действительностью. Проехав часа полтора, мы свернули с основной трассы на просёлочную дорогу. Там нам встретился солдат — один из наблюдателей за дорогой, ведущей в часть. Выглядел он удручающе, попрошайничал сигареты у проезжающих машин, какой-то безразличный взгляд. «Вот это угроза НАТО, — наверное, читалось на наших недоуменных лицах. — Если такие бойцы воюют в Чечне, то понятно, что за бардак тут творится». За этими невеселыми думами, немного нервничая от неизвестности впереди, мы подъехали к КПП нашей части...

Где мы, а где война?! Начало

Известно ли тебе, дорогой читатель, ощущение, которое возникает перед неизвестностью? Это как впервые идёшь на экзамен, где нужно себя показать, — точнее, всё, чему тебя учили, но ты не знаешь, как это будет происходить, как настроен преподаватель или аттестационная комиссия из незнакомых тебе людей, которые будут сейчас решать твою судьбу.

Восприятие обострено, максимальная собранность, — ты чувствуешь позвоночником малейшие колебания внешней среды. В таком состоянии мы миновали КПП части, где, по нашим расчётам должны были провести ближайшие два года своей молодой лейтенантской жизни.

На КПП строгий сержант осмотрел нас с ног до головы. Разговаривая с ним, я мельком огляделся и увидел, что за нами наблюдают несколько пар глаз из бойниц, и мы на прицеле. После мирной жизни, когда оружие держал в руках лишь на учениях, на полигоне да в караулах, а в любом наряде на КПП выдавались только штык-ножи, ощущать, что всё вокруг боевое и направлено в твою сторону, было непривычно. Дополнял картину наведённый на наше такси крупнокалиберный пулемёт КПВТ, установленный на БРМ (боевая разведывательная машина).

Как выяснилось позже, пропускным режимом в части занимались в основном разведчики, так как считались самым боевым подразделением части. Хотя по факту самыми боевыми были мы, пехота, так как ежедневно выполняли боевые задачи полка вне его расположения. Разведрота, к сожалению, была придворным подразделением, и выполняла роль церберов по усмирению вышедших из-под контроля офицеров части — а такое не было редкостью в нашем гарнизоне.

Так вот, стоим мы на КПП, ждём, пока наряд по КПП свяжется с дежурным по части — доложить о вновь прибывших лейтенантах. Время идёт. Мы понимаем, что есть свои формальности по отношению к чужакам. Мы только направлены в часть, но ещё не закреплены в ней приказом. Мы никто и звать нас никак, сержант это знает, разговаривает свысока и неуважительно: у него есть возможность покомандовать офицерами, чем он и пользуется с удовольствием, бесцеремонно распорядившись оставаться на месте. Ну что ж, время расставит всё по местам.

В училище нам привили понятие офицерской чести, личного достоинства, уважения к форме, к воинскому званию, к старшему чину, каким бы ни был человек. Посягательство на святое — на офицерскую честь, личное достоинство — пресекать жёстко и хладнокровно, и ни при каких условиях не спускать с рук. Это закон для офицера.

Поэтому, сержантик, мы ещё встретимся в полку, на учениях, при выполнении б/з, и спросим с тебя как с понимающего — строго, по уставу, без лишних слов. Проверь нас скорее и пропускай дальше: нам ещё представляться, знакомиться с командованием, и тратить на тебя нервы недосуг.

Первые впечатления обманчивы

Мы миновали КПП и двинулись дальше по бетонке, к другому пропускному пункту — непосредственно в городок. Было жарко по-южному, пот предательски тёк под х/бшку, руки оттягивали баулы с вещами.

Бетонка в полку, да и вообще все дороги в Чечне возле военных городков состояли из железобетонных плит, уложенных в два ряда, по которым могла идти гусеничная колёсная техника без разрушения дороги.

Участок между КПП был ограничен. С одной стороны — бетонный забор, с другой — забор из колючей проволоки. Прошли второе КПП, и вот мы на территории военного городка. Ещё на подъезде увидели две жёлтые панельные пятиэтажки — и в голову закралась мысль: а где палатки и война? А оказавшись на территории, ещё больше опешили.

На подстриженных газонах вертятся поливалки. Бордюры белоснежные. Идеальный порядок — даже в училище такого не было. Вторая мысль: мы что, в показательный полк попали? Чего-чего, а этого мы никак не ожидали. «Приехали, блин!» — разочарованно бросил я.

Нам следовало представиться командиру полка и получить направление в свои будущие подразделения. Естественно, мы с моим закадычным училищным другом по прозвищу дядя Коля мечтали попасть ну если не в одну роту, но уж точно в один батальон, — но этому не суждено было случиться. Раскидала нас с дядей Колей судьба в виде начальника отдела кадров и строевой службы (в простонародье НОКИС) на целых два года в разные батальоны и разные уголки Чечни. Дело в том, что наш полк выполнял на постоянной основе боевые задачи по сопровождению воинских грузов вне расположения части, то есть боевое охранение колонн, чему будут посвящены отдельные главы.

Не помню, как мы представлялись командиру полка, помню, как уговаривали старого майора с пропитым лицом не разлучать друзей, но он был непреклонен. Мы сдали документы на оформление и пошли искать общагу.

Нам указали на вышеупомянутые пятиэтажки. Это были дома офицерского состава, где жили семьи офицеров части. В каждом доме было по две квартиры для молодых лейтенантов.

Наша квартира №15 (она же «пятнашка — палёная хата»: сколько раз старшее командование палило наш офицерско-распиздяйский состав в часы веселья и разгула, не сосчитать. Пить запрещалось даже в личное время, но об этом позже) находилась на пятом этаже в первом подъезде и представляла из себя обычную трёшку. В самой большой комнате стояли армейские двухъярусные кровати. О! Это же был настоящий хостел! Только военный.

В квартире никого не было, это и понятно, разгар рабочего дня. Единственным, кто нас встретил, был Аркадий — офицер полкового узла связи (спустя два года он нелепо погиб перед самой своей заменой из Чечни). Мы познакомились, и он нам показался бывалым — ну конечно, он раньше нас приехал и уже всю принимал дела и должность в штабе полка. Аркадий был таким же молодым лейтенантом. Родом он был из Моздока, по национальности осетин — в общем, самый местный из нас. Он, в отличие от нас, служил почти дома и лучше всех понимал, как правильно общаться с местным населением, поскольку здесь вырос, и то, что для нас было в диковинку, для него было привычным.

Аркадий обрисовал нам обстановку, насколько сам её знал, и мы быстро подружились. За разговором мы не слышали, как в квартиру кто-то зашёл, раздались женские голоса. «Хм, — подумали мы и переглянулись, — так у нас ещё и девчонки в квартире». Как молодые и амбициозные гусары, мы ещё со времен училища были не прочь приударить за противоположным полом, делали это из любого состояния. Сами понимаете, в училище казарменное положение не предполагало свободного доступа к женскому населению города. В короткие часы увольнений нужно было найти в городе приятную девушку, познакомиться с ней, взять телефон и уговорить ждать в будущее увольнение.

Это была старший лейтенант Лиля и прапорщик Оля, мы быстро узнали их имена. Видеть женщину в военной форме так близко нам ещё не доводилось, да и в принципе не ждали мы такого, к тому же и старше нас по званию. Лили была высокой, рыжей, с большими чёрными глазами и пышным хвостом волос, Оля — чуть ниже ростом, блондинка, и хвостик немного меньше торчал из-под армейской кепки. Конечно же мы, было дело, пустили обильную лейтенантскую слюну, и прикинули, кто за кем будет ухаживать. Ибо пропускать такое явление в армейской среде не принято, а на войне тем более.

Нам, конечно же, быстро и шепотом объяснили, что у Лили есть парень — офицер штаба нашего батальона, старший лейтенант, а у Оли роман с комбатом первого батальона. На этом мы и приостановили свои притязания, поняв, что бой неравен и проигран, но служить ещё долго и не проиграна война. А самое главное, что если есть эти две барышни в полку, то найдутся и другие, за которых мы всё равно поборемся, как только разберёмся в местной конъюнктуре межполовых отношений части.

Дело близилось к вечеру, моему корешу Дяде Коле сказали, что батальон в Ханкале и нужно будет ждать очередную колонну, чтобы добраться до своего подразделения. Моя же рота, по слухам, была на заставе, а как туда попасть, я не представлял, и когда нужно будет опять показаться на глаза командиру, также не было ясно.

Как мы уже поняли, совсем скоро нас разбросает, поэтому не торопили события и в бой с первого же дня не рвались. Мы понимали, что надо отдохнуть с дороги, более-менее изучить местные реалии, узнать, когда ожидаются обстрелы наших подразделений и выяснить боевую обстановку вокруг части. Для нас это было первостепенным — мы же приехали воевать.

Смеркалось, мы вышли на балкон покурить. Напомню, что квартира находилась на пятом этаже, и с балкона открывался шикарный вид на горизонт, где уже просматривались горы. Внутри полосы леса, пересекавшей равнину, текла река Терек. На переднем плане, а если ещё точнее, за забором нашей части сразу располагалась станица Калиновская, в честь которой и был назван наш Калиновский гарнизон — «Форпост на южных рубежах».

Ещё ближе, уже на территории части, прямо перед нашими глазами рядами стояли ряды одноэтажные казармы отдельных рот и подразделений части. Ремрота, инженерно-сапёрная рота (с этими ребятами мы будем неразлучны целый год, выполняя задачи по инженерной разведке местности), вышеупомянутая рота разведки, рота материального обеспечения (в простонародье — рота материального обогащения), ну и, конечно, танковая.

Между казармами находился малый плац части, — про него будет отдельная история, — где воспитывался личный состав, а если выразиться прямее, то проводились самые натуральные экзекуции нарушителей воинской дисциплины. Также этот плац повидал пьяные выражи

на купленной машине в исполнении нескольких лейтенантов, одним из которых был ваш покорный слуга.

А пока что мы стояли на балконе, курили, и, начитавшись книжек о войне и вражеских снайперах, прикрывали кулаками огоньки сигарет, дабы не стать снайперской мишенью в первый же день приезда в часть, в собственной общажной квартире.

Слышал ли ты, мой дорогой читатель, как начинает свою песнь мулла? Для меня это всегда неожиданно. Вздрыгнул я и в тот самый первый день, когда служитель Аллаха заорал в свой громкоговоритель с вершины минарета.

И тут я прозрел: здесь всё для нас чуждо, мы ничего не знаем, и неясно, откуда ждать беды — а нас о ней предупреждали, нам угрожали и нас отговаривали, но мы вопреки всему поехали проверять себя и свои страхи.

В тот самый момент, когда где-то очень близко чужие люди поклоняются чужому богу, говорят на незнакомом тебе языке, и всюду слышен голос их молитв там, где ты выполняешь свой долг перед Родиной. Ты понимаешь, что вообще ничего не понимаешь, и будь ты постарше, наверное, затосковал бы от всех этих мыслей.

Но молодость, пора несложных желаний взяла верх, — мы мгновенно забыли философский вопрос, который было завис в горячем мозгу: «Какого лысого мы тут делаем?» — и стали думать о насущном. В частности, вспомнив, что мы офицеры, а не какие-нибудь там курсанты, и что у нас есть полное право выпить пивка за приезд, отправились в магазин, он же военторг части, за нехитрыми покупками.

Армия хоть и проста по своей сути, но не настолько, как это может показаться на первый взгляд, — её наполняют, пусть и малость зомбированные системой, выкроенные по шаблонам военных училищ, но люди, которые имеют особое чувство юмора. Находиться в армии долго и не иметь чувство юмора невозможно, иначе можно свихнуться.

К чему бишь я... А, всё к тому же, — мы пошли в магазин и наткнулись на кафе в торце второй пятиэтажки, — с названием «Чебурашка».

Кафе «Чебурашка» в воинской части — согласитесь, странно. Герой советского мультика гордо красовался на стене, а в своей лапке мило держал шарики. И так захотелось мороженку! Ведь даже в старом полковнике живёт ребёнок, а мы-то лейтенанты.

Оказалось, под этой вывеской скрывается пивняк для офицеров. «Та ещё маскировочка», — отметили мы про себя, когда переступили порог данного заведения, смутились и расхохотались. А смазливую барменшу Ленку мы прозвали просто — Ленка Чебуратор, чтоб не запутаться в разговоре, о какой Лене идёт речь, ибо обсуждения намечались нешуточные. Служба на глазах приобретала новые смыслы — веяло женским теплом, предвкушением особых побед и возможностью скрашивания армейских будней.

Застава

Я стоял у штаба части и ждал своего командира роты. Вся наша рота в то время несла боевое дежурство по охране подступов к расположению части на заставах. Как я уже рассказывал, с одной стороны часть окружала бывшая казачья станица Калиновская, с другой — были поля с системой мелиорации, на которых располагалось наше стрельбище, а дальше лесостепь уходила до горизонта.

Как раз со стороны полей нашу часть прикрывала система застав. Как пишут в книгах по инженерной подготовке, застава — это фортификационное сооружение на местности, выполненное в виде окружности с высоким земляным валом-бруствером в три метра. Вал закручен улиткой, чтобы территория не простреливалась насквозь. Вокруг него — глубокий ров шириной метра три-четыре, на дне которого МЗП — малозаметное препятствие (тонкая проволока, в кольцах которой легко запутаться, для затруднения движения противника). Вокруг рва натянуты два ряда уже колючей проволоки. От земляного вала в четырёх направлениях наискосок идут ходы сообщения и окопы для стрелков. Таким образом застава могла вести круговую оборону.

Занимал заставу один мотострелковый взвод. Распорядок дня был такой: до обеда — положенный отдых, после обеда до вечера — занятия по боевой подготовке, а с вечера — боевое дежурство. Для расширения фронта охранения на километр от заставы выдвигались наблюдательные посты — один бронетранспортёр и расчёт из двух-трёх бойцов. Как раз их-то мне и приходилось впоследствии каждую ночь проверять.

От казармы по направлению к штабу двигался какой-то старший лейтенант — ростом невелик, смуглый, кепка набекрень, выгоревший камуфляж, ремень болтается. «Что за перец, интересно», — пронеслось у меня в голове. Через секунду перец оказался моим командиром роты. «Серёга, — представился мой будущий командир. — Там Урал ждет за КПП, на заставу поедешь, будешь должность принимать», — быстро взял он меня в оборот. Я немного опешил от столь резкого поворота событий, что-то промямлил про вещи и сумку. Серёга почесал затылок и дал мне десять минут забрать из общаги всё самое необходимое. После мы встретились у КПП, ротный прыгнул в кабину, я с сумкой — в кузов бортового Урала, взревел мотор, и мы двинулись по бетонке.

Когда мы отъехали от части, справа я увидел парк боевых машин, а чуть дальше слева за огромными земляными валами — РАВ-склады (то есть склады ракетно-артиллерийского вооружения). Минут через пять бетонка ушла прямо и вправо к другим заставам, а машина свернула влево на полевую дорогу.

Пришлось немного потрястись: военный Урал — машина отличная, с отличными внедорожными качествами, но, как и вся техника вооруженных сил России, мало продумана для комфорта личного состава. Кузов и кабина жёстко приварены или прикручены, неважно, к раме без какой-либо амортизации, и тряска достигает порой 9 баллов по шкале Рихтера. Блин, похоже, конструкторы этой машины выросли на книгах о Павле Корчагине, «Как закалялась сталь», видели в солдате образ Рахметова, спавшего на гвоздях в романе «Что делать» Чернышевского.

Вы, инженеры технической мысли, серьёзно думаете, что у бойцов российской армии стальные задницы и нервы как канаты?! Слышали бы вы, сколько матов разносится по необъятной родине, когда мы воюем на вашей технике.

Заскрипели тормоза, Урал встал как вкопанный возле заставы №1, меня окутало рыжим облаком. В нос и глаза набилась пыль, а на зубах заскрипел песок. Военный водитель — это ещё один демон, который заодно с дьявольской военной техникой. Они непредсказуемы и неожиданны — как для своих пассажиров, так и проезжающих навстречу или в попутном направлении гражданских автомобилей. Не зря бытует пословица: бойтесь трёх ВВ — военных врачей, военных водителей и взрывчатых веществ. Эта святая троица одинаково опасна для нормальных вменяемых людей.

Пыль осела, Урал заглох, и я в сопровождении командира роты зашёл в расположение моего будущего взвода.

У каждого человека своя скорость адаптации и привыкания к новой обстановке. Нет, наверное, никого, кто не испытывал бы внутреннего напряжения, попадая в незнакомый коллектив, на незнакомую территорию с незнакомыми людьми и незнакомыми порядками. Кто-то начинает нести ахинею, кто-то шутит, кто-то типа меня — просто молча наблюдает за происходящим, с дико суровым лицом, чтоб окружающие даже не думали с тобой заговорить или что-то с тобой сделать. Чувствовали серьёзный настрой и готовность защищать свой статус-кво.

В тот момент ты находишься между своей и чужой реальностью. И пока ты не освоился на новом месте, естественно, испытываешь скованность и чуть тормозишь. Теперь, много лет изучая практическую психологию и поведение человека, я понимаю, что это лишь защитная реакция нашего мозга, который не свыкся с окружающей действительностью.

В вышеописанном состоянии я завис возле небольшого плаца и ждал, пока построится взвод. Ротный Серёга прошёл в расположение заставы, по пути успев нескольким бойцам сделать какие-то замечания. Выгнал подразделение на плац, построились, представились...

Перед тем, как начать командовать в своём будущем подразделении, командир взвода должен быть представлен начальством личному составу взвода. В этот момент я получу свою определённую и станет немного легче, а личный состав взвода и каждый солдат в отдельности получит свою долю неопределённости на ближайшее время.

Молодым станет грустно, что нарушится привычный порядок дел, старослужащим станет интересно, что за гусь появился в их песочнице — и проснутся амбиции: показать, кто здесь настоящий хозяин. Скорее всего, пытливый дембельский ум решит проверить на вшивость новоиспечённого командира.

Мозг лейтенанта шепчет: «Ну что ж, об этом нас предупреждали, пора пройти и этот экзамен».

И вот так стоишь ты перед своим первым в жизни взводом, смотришь на бойцов, уже прикидываешь в уме, кто тут самый офигевший, кто борзый, кто выглядит порядочным бродягой и так далее. А зоркие многонациональные глазёнки бойцов из российских глубин с любопытством оглядывают будущего командира — и некоторые озорным взглядом, как раз те, которых я приметил как борзых. Жизнь начинает стабилизироваться, но ещё столько всего непонятного и неизвестного — можно растеряться, если много думать.

Построение заняло не более пяти минут, а дальше все разошлись по своим делам.

«Старший лейтенант С.», — представился мой ещё действующий предшественник, штатный командир взвода, которого я менял на должности. У него подошел двухлетний срок службы в Чечне и предстояла замена.

Собственно говоря, сменщик приехал. С. был в предвкушении свободы. Мне же предстояло принять у старшего лейтенанта его взвод, личный состав, вооружение и военную технику — или, по-военному, ВВТ, — по списку, номерам и в комплектности. Разобраться со всем этим хозяйством, вникнуть, а где-то доучить то, что пропустил в училище. Ибо, как говорится, теория вузов так или иначе отличается от действительности. И в первый раз рушится множество теоретических знаний об армии, когда курсантский вышколенный мозг сталкивается с армейской действительностью. В общем, хреново, когда нет опыта, но не боги горшки обжигают, и с чего-то всегда надо начинать!

С. стал вводить меня в курс дела. Честно, я ни хрена не понимал — где мы на местности, где полк, где деревня, где другие заставы... он показывал рукой то в одну, то в другую сторону, отвечая на мои вопросы, но я запутывался всё больше. Назывались какие-то неизвестные мне аббревиатуры, я кивал, поддакивал, и подумал про себя — «Щас всё приму, потом разберусь, у меня же будет время».

Взводный смотрел в мои глаза, усмехался и подбадривал: «Солдаты выдрочены, каждый знает свой маневр. Мне делать нечего в последнее время было, я развлекался тем, что в течение двух месяцев только и делал, что тренировал бойцов по боевому расчёту». Заменяемых особо не трогали и не нагружали задачами. Я был ему благодарен: он мне передал действительно боеспособную заставу, и первые месяцы службы я лишь наблюдал, как должно работать слаженное подразделение, получая свой новый опыт.

Приёмка техники, а у меня был первый взвод пятой роты, и это подразумевало наличие четырёх бронетранспортеров — три моих и один командира роты, — проходила быстро.

Конечно, нас всячески напугали в училище, что надо принимать всё как положено, составлять ведомости некомплекта, докладывать командиру роты о выявленных недостатках и, в общем, не подписывать акты приёма-передачи, пока не устранят выявленные недостатки.

На деле принимать приходится так или иначе, с недостатками или без, потому что нет времени жевать сопли: впереди выполнение боевых задач, потому что их никто не снимал с подразделения. Время поджимает.

Командир роты в войсках — материально ответственное лицо. Но моего командира роты, по-моему, не очень-то волновало, что там у меня с наличием имущества во взводе. Видимо, уже знал, как выкрутиться, поэтому особо не парился.

Когда я сам в такой вот обстановке занял место командира роты и начал принимать имущество и вооружение роты как положено, то выявил недостачу имущества на миллион рублей с лишним. Это и сейчас-то не малые деньги, а в 2003-м когда зарплата врача высшей категории была 3500 рублей а средняя по стране — 2—3 тысячи... В общем, утерянного имущества на роте висело ого-го сколько.

Только отгремела вторая чеченская кампания, подразделения больше занимались боевыми задачами и реальной боевой подготовкой, на хозяйственные вопросы обращали мало внимания. Личный состав в подразделениях часто менялся и поэтому бардака хватало, чего уж там.

Жарило августовское солнце, ни ветерка, ни облачка. Пот предательски струился под камуфляжем по спине прямо в трусы. С. отдал распоряжение подготовить технику и оружие к осмотру. Водилы, как сонные мухи, лениво выползали к своим бэтэрам из блиндажа и выкладывали на плащ-палатки содержимое своих боевых машин — коробки с боеприпасами, шанцевый инструмент, всевозможные ключи, — и заодно наводили порядок внутри.

Моё дело было всё осмотреть и уточнить у водителей, что исправно, что нет. Проверить по спискам наличие инструментов, посчитать боеприпасы... Также я пересчитал стрелковое оружие в оружейной комнате заставы и боеприпасы в оружейном погребе.

Стрелкотня была в наличии, но из четырёх БТР на заставе стояло только три. «А где четвёртый?!» — спросил я, на что получил ответ, что это «гроб» — стоит в ремзоне, если хочешь, сходи посмотри, но смотреть там особо нечего. Также выяснилось что БТР второго отделения — в предсмертном состоянии: реально грязный, отовсюду течёт масло, и он сильно коптит, когда заведён. Мда-а, два живых БТР из четырёх, хорошо живём.

Интересно, какая ситуация в других взводах. «Не дрейфь, — похлопал меня по плечу С. — Ротный всё равно скоро роту сдавать будет, сам во всём разберётся. Принимай как есть, докладывай про всё, что обнаружил, и давай поскорее — мои документы из дивизии, по слухам, пришли, мне домой пора ехать!»

На докладе командиру роты я, стараясь не забыть детали, всё доложил как есть. Серёга и так знал о проблемах своего подразделения. Поэтому сказал: «Я понял, иди занимайся по распорядку, вникай в службу». Он знал, что не сможет особо ничего взыскать с командира взвода — тот не мытьём, так катаньем всё равно уедет к новому месту службы. Спрос будет с Серёги как с командира роты. На этом и порешили.

Смоленский собрал свои личные вещи в сумку, пожал мне руку, пожелал удачи и отвалил в полк. Груз ответственности лёг на мои плечи, и мне вместе теперь уже с моим взводом предстояло выполнять боевые задачи! Ну что ж, вроде неопределённости стало меньше. А это уже маленькая, да победа.

Настал момент истины. Первым делом я решил проверить действия личного состава по тревоге, знание и выполнение боевого расчёта — и обязательно ночью, чтобы создать обстановку, приближённую к боевой. Очень уж хотелось мне поднять заставу в ружьё и посмотреть, как действуют подчинённые.

Весь вечер я предвкушал азарт учебной тревоги, поглядывал на часы и на небо, ждал, пока зайдёт солнце. Стемнело, произвели отбой, первые смены наблюдателей выдвинулись по своим направлениям. Я терпел, чтобы не сорваться и не поднимать тревогу раньше времени, ждал, чтоб покрепче заснули. Я хотел по-боевому... и дождался 3.00 ночи, когда спать было охота не только солдатам, но и всей чеченской земле, лесам, полям и весям.

Я выбрал нужную минуту и наконец-то скомандовал: «Застава в ружьё! Нападение с фронта!», и даже самому стало немного страшно — а вдруг реально напали, воображение, знаете ли...

Началась неподдельная круговерть! Сердце моё застучало, виски запульсировали от напряжения, дрёму как рукой сняло. Дежурный и дневальный дублировали команду, дневальный убежал на командно-наблюдательный пункт и начал хреначить железякой по гильзе, звон и топот стоял непередаваемый — сопение, стук солдатских сапог, приглушённые маты и пендали товарищей по оружию подтормаживающим сослуживцам.

Солдаты сгребли бронежилеты, висящие на специальной подставке, похватали свои автоматы и растворились в ночи. Минут через четыре-пять всё стихло. Мой замкомандира взвода с папкой боевого расчёта подошёл ко мне и сказал: «Все на местах, товарищ лейтенант, пойдёте проверять?»

Варсановфьев, мой заместитель, тоже Серёга, был дембелем: через пару месяцев ему предстояло уехать домой. С ним, я считаю, мне повезло. Он был земляком ротного — так получилось, что они оказались из одной чувашской деревни и оба по национальности чуваша. Их родители хорошо друг друга знали. Младший Серёга боялся подвести старшего, чтобы в деревне не опозориться — служил исправно и был для односельчанина опорой.

Ростом бог не обидел, сильный и очень дисциплинированный сержант. Спуску не давал даже своим друзьям-дембелям, своим однокашникам и своему призыву. Опять же не хотел подводить командира, и друзья не могли пользоваться его привилегированным положением. В общем, не давал никаких поводов думать, что служба в подразделении у земляка — мёд. Никогда не пользовался своим преимуществом и старался этот факт не афишировать. Я и сам всё это случайно выяснил спустя месяц-другой службы.

Взяв красную папку с боевым расчётом и подсвечивая себе путь фонарём, мы пошли осматривать позиции: кто где, на своих ли местах. Сначала поднялись на командно-наблюдательный пункт. КНП взвода был выполнен в виде квадратного укрепления, сложенного из железнодорожных шпал, с бойницами во все четыре стороны, обеспечивающими круговой обзор за местностью. Данное сооружение возвышалось над заставой — ровно настолько, чтобы в бойницы из-за бруствера было удобно наблюдать за подходами к заставе. Это был так называемый первый пост.

Поднявшись, я разглядел в темноте пару человек: один с пулемётом Калашникова — модернизированным ПКМ, второй с автоматом, оснащённым прибором ночного видения. По боевому расчёту в случае нападения на заставу на КНП взвода должно было находиться управление взвода, пулеметчик, замкомвзвода (в просторечии «замок»), стрелок-санитар, санинструктор и ваш покорный слуга — непосредственно командир взвода.

«Санинструктор Иванова», — прочёл я в боевом расчёте. «А где... э-э... вроде женщин тут нет?» — «Она дежурит в санчасти, живёт в гарнизоне», — сообщил мне сержант. Вне учений и боевой работы женщины-санинструкторы, которые по штату находились в мотострелковых ротах, несли свою службу в гарнизонной санчасти, выполняя там свои медицинские обязанности. Когда рота в полном составе выдвигалась на учения или на боевую задачу, санинструктор занимала своё место в подразделении и работала непосредственно с ним, переходя, как и положено, в подчинение командиру роты.

Остальные ребята по боевому расчёту на КНП находились правильно. Я посмотрел в ночь через бойницы, пытаясь определить, где остальные позиции, но тут замкомвзвода выступил вперёд и сказал: «Идёмте, товарищ лейтенант, я сейчас покажу». «Ага, как же, так я и позволю меня вести», — пронеслось в голове. «Я сам первым пойду», — и мы направились ко входу в УС.

В основании бруствера между внутренней территорией заставы и рвом, окружавшим заставу, было вкопано инженерное сооружение в виде стальной трубы диаметром метра полтора-два с большой бронированной крышкой, которая закрывалась и закручивалась, как пере-

борка на подводной лодке. Крышки у лаза были с двух сторон. В противоположной стенке рва начинался ход сообщения и окопы — УС. Таких конструкций, соответственно, было по четыре на каждую из сторон горизонта.

Мы открутили запорное устройство, и со стоном отворился бронированный люк. Пригнувшись, прошли в него и вышли с другой стороны бруствера. Темень невероятная. Серёга ещё раз попросил пустить его вперёд, но я отмахнулся и энергично двинулся по ходу сообщения. Когда я сделал два или три шага, что-то острое ударило мне в лицо, отбрасывая назад, а из глаз покатились искры. «Ы-ы-ыс-с, аккуратнее, товарищ лейтенант», — сморщился Серёга.

Дело в том, что я забыл о двух рядах колючей проволоки, окружавших заставу, а нижняя струна проходила как раз на уровне глаз над окопом. В неё-то я и врезался со всего размаха.

Чертыхнувшись, я начал выбираться из хода сообщения, чтобы идти по брустверу — во избежание столкновения головы с очередным неопознанным препятствием. Но сделав пару шагов, оступился и рухнул в окоп, за малым не сломав себе ногу, — при этом ударился примерно так же, как бы ударился человек, неожиданно упавший в полутораметровую яму с разгона. Вылетело из головы, что ход сообщения по всем правилам инженерной мысли нужен, чтобы соединять стрелковые окопы, отходящие в стороны от него.

Сзади я услышал, как прыснул от смеха сержант. «Ёптвоюжмать!» — выматерился я для порядка, отряхиваясь от земли и потирая ушибленную конечность. «Товарищ лейтенант, вы как, живы?!» — с ехидцей спросил Серёга. «Чо ты ржёшь, млять, давай веди!», — грубо одёрнул я. Хочешь выглядеть круто — налажаешь, и надо доверять опытному проводнику — сделал я для себя пару мудрых выводов, тут же подтвердившихся на деле.

Оставшееся время, пока мы проверяли боевой расчёт, прошло без травм и как-то скомканно. Я переживал о том, как выглядел в глазах сержанта. Только с утра, оглядывая в зеркале свои «боевые» раны, понял, что чуть не лишился зрения: колючки проволоки в аккурат попали по бокам левого глаза и в переносицу. Обдумывая своё нелепое ночное приключение, я решил, что такие тренировки нужно делать в светлое время суток, когда всё на виду, и можно невооружённым взглядом увидеть действия солдат. Реально оценить всю картину происходящего, указать на ошибки и довести до полного автоматизма действия взвода.

На деле же я, в силу неопытности, юношеского максимализма и лейтенантского задора, не только не дал выспаться личному составу, но толком и не разобрался, кто куда и зачем бежит по боевому расчёту: если не сориентировался днём, ночью это сделать в разы сложнее. Кроме того, пострадал мой фейс, моя нога и, конечно же, была несколько подмочена лейтенантская репутация. А по-простому говоря, с вероятностью 120% данный случай был разобран активными членами коллектива в курилке и надо мной хорошенько постебались. Думаете, это меня остановило?! Хе-хе, плохо, дорогой читатель, ты меня знаешь. Ведь это были только первые вехи моей боевой службы.

Рабочие будни

Время шло, я каждый божий день готовился к нападению бандитов и думал, что затишь это, как обычно, перед бурей. Гонял солдат по тревоге, днём и ночью, оттачивая действия взвода, и сам для себя вникал в боевые задачи, порядок взаимодействия с гарнизоном и соседними подразделениями. Огромное поле перекрывали четыре заставы — три мотострелковых и одна артиллерийская.

На мотострелковых в полном составе несла боевое дежурство наша пятая рота. Артиллеристы несли свою службу на четвёртой — делая плановые обстрелы местности, в основном по утрам.

Орудия выплёвывали снаряды вдаль, несколько минут стоял грохот артиллерийской канонады, пороховые газы наполняли атмосферу. Как-то раз командир артиллерийского взвода, ошибившись в расчётах, выполняя (слава богу, учебную) стрельбу, послал учебный снаряд-болванку вместо поля прямо в сарай к местному жителю, коим и развалил его наполовину. Были неприятные разборки старейшин села с нашим руководством, в результате которых лейтенант и пара бойцов купили цемент, кирпич и поехали устранять неисправность сарая.

С течением времени инциденты с местным населением усиливались пропорционально утеплению политических отношений между Москвой и Чечней. Войскам подрезали права и крылья, а местные пользовались своей безнаказанностью, чтобы самоутвердиться за наш счёт, как бы я сказал сейчас, а раньше бы я сказал — выёживаться по поводу и без, стараясь досадить нам всеми возможными способами. Об этих моментах я напишу позже, хотя всё это не очень приятно.

Работа на заставе напоминала караульную службу, с той лишь разницей, что дежурство у нас было ночное, а не круглосуточное. В дневное время личный состав взвода отдыхал часов до одиннадцати — после проводились учебные занятия, затем бойцы чистили оружие и готовились к очередному ночному дежурству. Также за местностью вёл наблюдение дневной пост, который находился на КНП заставы.

Так как местность хорошо просматривалась и простреливалась, ожидать нападения со стороны степи днём не приходилось — это нарушало все законы тактики, а боевики не дураки. Поэтому задачей поста было своевременно заметить отъезжающий от полка командирский УАЗик и предупредить начальника заставы или соседнюю заставу.

Дело в том, что в штабе полка назначались ответственные по полку из числа заместителей командира, которые следили за правильным выполнением элементов распорядка дня и боевого дежурства, а также несением службы караулами. Поэтому каждый день по несколько раз к нам прибывал офицер штаба полка или штаба батальона для осуществления контроля.

Вообще, как только собиралась такая проверка, нам с полкового узла связи поступал звонок с предупреждением. Дежурный успевал разбудить начальника заставы, если тот вдруг случайно уснул в неположенное время, окинуть взором территорию и быстренько прибрать что недоглядели.

Проверяющие контролировали наличие личного состава, оружия, имущества и так далее. Начальник каждой службы полка проверял своё. Начальник РАВ (ракетно-артиллерийского вооружения) — состояние вооружения и военной техники. Начальник инженерной службы —

наличие и качество хранения инженерного имущества. Начальник РХБЗ (радиационной химической биологической защиты, в народе химдым) — наличие и исправность средств индивидуальной защиты — противогазов и ОЗК (общевоинской защитный комплект, в народе резина). Начальник тылового обеспечения осматривал котелки, термосы и прочую утварь. Вещевики — вещевое имущество, очень всё логично и понятно, прям как в армии. Медслужба следила за здоровьем, чистотой и гигиеной военнослужащих.

Каждую ночь мы заступали на боевое дежурство. Как и положено, с 19.00 после развода, который проводил я как командир заставы на небольшом плацу возле казармы. Распределял смены, зачитывал боевой приказ, отправлял наблюдателей по направлениям.

Ночью также каждые два часа приезжали проверяющие, а дважды за ночь я лично проверял посты. Идти приходилось в потёмках — естественно, без фонаря, так сказать, на ощупь. Путь был известен, пролегал по полевой дороге, выходившей на гравийку, по ней нужно было дойти до склада РАВ, где находился дальний наблюдательный пост — самый ближний к станции Калиновской, самый удалённый и опасный.

В ночное время чувства обостряются, наверное, у любого человека. Мои органы чувств работали сверхмощно, уровень адреналина подскакивал, глаза видели лучше, слух обострялся. У меня и до сих пор в минуты напряжения возникает ощущение, что за головой разворачивается невидимый локатор, который улавливает малейшие изменения окружающего эфирного поля. Это, наверное, и есть — чувствовать шкуру.

Ходить я всегда старался бесшумно, не торопясь, всматриваясь расфокусированным зрением в темноту, улавливая очертания предметов местности, слушая тишину. Бывали и светлые, лунные ночи, тогда казалось, что ты шагаешь по освещенному бродвею. Всё очень четко видно, но и сам находишься на виду у вероятного противника. Так что, когда совсем темно, мне нравилось больше.

Иду я, значит, по гравийке, до поста полпути, вдруг слышу слева впереди метров в двадцати шорох, очень похожий на человеческий шаг, прыжком сваливаюсь на обочину. Залёг. Автомат на изготовку, предохранитель вниз, один щелчок, затворную раму потянул, но не стал досылать патрон в патронник, отпустил. Жду. Тишина. В висках пульсирует кровь.

Напрягаю зрение, никого не вижу, слева трава по пояс не меньше. Тот кто шел, тоже затих. Напряженно жду дальнейшего развития событий. Через минуту, снова шорох, то ли кто-то идет, то ли ползет, такое ощущение, что волокут что-то. Затаил дыхание наблюдаю. Ствол смотрит в сторону предполагаемого врага. В голове проносятся десяток мыслей, то ли стрелять, то ли подождать и захватить противника в плен. Если открою пальбу, свои же могут жахнуть из крупнокалиберного с перепугу в мою сторону. Я между постом и заставой, можно устроить скоротечный бой между своими подразделениями (такие шутки, кстати иногда проделывали боевики с нашими, забравшись посередине между заставами, открывали огонь в обе стороны и уматывали, а наши начинали бой между собой).

Принимаю решение ждать, наблюдать. Тем временем шорох усилился и вот вот враг появится на дороге впереди меня. Напряжение внутри аж звенит.» Что это?! Сука! Фууууу!" — выдыхаю. Из зарослей травы выходит на дорогу гигантский ёж, какой — то очень крупный, спокойно переползает дорогу и зашуршал себе дальше. Гребаное животное, ну надо же, за малым, не начал я третью чеченскую кампанию близ моей заставы, курам на смех. Я под-

нялся, облегченно вздохнул, отряхнулся от пыли и пошел дальше проверять посты, озираясь по сторонам, матерясь и радуясь одновременно встрече с этим чудовищем.

По-первам, мне все было интересно, приходя на посты для проверки, я задерживался с бойцами минут по 20—30 вместе наблюдая за местностью, слушая их доклады о замеченном, обсуждая действия в случае появления опасности или нападения, подбадривал их.

Так я постепенно знакомился с личным составом вверенного мне взвода и со своей боевой работой. Интересно было узнать кто из каких мест, давно ли писали родителям. Солдаты в то время были срочники, поэтому я как командир старался вникать в их жизнь, чтобы лучше узнать свое подразделение, характер бойцов, их способности, ну и не проворонить неуставные взаимоотношения между старшим и младшим призывом, вовремя уговорить дембелей, если что не так.

Поимка беглого солдата внутренних войск

Отличился боец из республики Тыва моего взвода. В одну из ночей на заставу поступил звонок с 1 УСа, как я рассказывал выше это один из четырех ходов сообщения уходящий от заставы метров на 150—200. В самой дальней точке находился один из ночных наблюдательных пунктов. Ночь была темная, часа в два ночи поступает сигнал с поста о том, что задержали человека который двигался со стороны станицы мимо нашей заставы.

Мы с резервной группой выдвинулись к посту, соблюдая меры предосторожности, я опасался, что у задержанного могли быть запросто соратники где — нибудь в кустах неподалеку, поэтому двигались быстро, но осторожно.

Прибыв на наблюдательный пост, я увидел невысокого молодого парня, внешностью напоминающей нечто среднее между азиатским и кавказским типом лица. Одет был в байковую рубашку белого цвета с какими то узорами, в армейских ботинках и камуфлированных армейских штанах. Вел себя смирно, плохо говорил по русски. Я приказал усилить наблюдение за местностью, и запросил по связи дежурного по части. Доложил о задержанном. Минут через двадцать из части прибыл УАЗик с командиром разведроты и несколькими разведчиками.

Ребята в разведроте полка были все крепкие, рослые и взрослые, много было сверхсрочников. Я знал, что в развед. подразделения и подразделения специалистов отбирают самых лучших, спортивных, образованных. Остальных иванов направляют по пехотным ротам. Поэтому мне всегда было немного завидно смотреть на солдат-разведчиков, хотелось таких же молодцев иметь в своем строю.

Прибывшие разведчики, действовали слаженно, сразу профессионально провели досмотр нашего пленника, я про себя отметил, что даже не подумал сделать личный досмотр, да и не знал я, что с ним делать. Все время ожидаешь нападения на заставу какой то группы противника, а здесь непонятно что за человек. Сказалось отсутствие рабочего военного опыта.

С задержанного сняли рубашку, а под ней оказался военный китель. На рукаве была эмблема внутренних войск, в карманах была какая то мелочевка. СОЧинец (СОЧ-самовольное оставление части), сразу понял я и ужаснулся.

К тому моменту, бедолагу разговорили, а говорил он по русски очень плохо, неразборчиво. Оказалось, что он сбежал из своей части которая находилась в Наурском районе и отправился домой к родителям. Непонятны были причины такого поступка, чего то не выдержал по всей видимости, может быть неуставных взаимоотношений или командиры лютовали, не ясно, но сам факт, того, что находясь на враждебной территории, покинуть свою часть и пробираться по Чечне, толком не зная направления, ночуя у местных, это кстати они дали ему рубашку, для меня было непостижимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.